

Социально-политическая мифология в современной России

Представляется очевидным, что выстраивание системы стратегических коммуникаций и в сфере политики, и в сфере массового потребления невозможно без широкой опоры на современную мифологию. В высшей степени актуально это утверждение для современной постсоветской действительности. В настоящей статье мы попытаемся показать причины этого и предложить базовые модели отечественной политической мифологии, на которую во многом опирается мифология политическая.

Очевидно также, что так называемые «современные мифы» связаны с мифами классическими более в метафорическом смысле. Это следует иметь в виду, скажем, анализируя популярную концепцию Р.Барта. Известно, что «политические» или социальные мифы, мифы массовой культуры такие известные мифологи, как М. Элиаде, называли «неподлинными», считая, что, собственно говоря, это не есть мифы. Можно вспомнить также критику А.Ф.Лосевым «реальной» мифологии.

Мы говорим об определении именно «современного мифа» как суммы бытующих в обществе представлений о том или ином социальном объекте или процессе, сопрягающих в причудливом неразрушимом единстве рациональное и иррациональное, подлинное и лживое, проверенное социальным опытом и фантастическое.

Что же следует понимать под социальной мифологией как сводом бытующих в обществе представлений-мифов, затрагивающих все стороны жизни социума в ее статике и динамике? Вот каковы существенные характеристики:

- человеческое мышление целостно, и степень его мифологичности определяется взаимодействием семиотических и психологических факторов;

- источником мифологического мышления выступает механизм коллективной знаковосозидающей деятельности, в ходе которой моделируется окружающая реальность и структурируется социум; абстрактные понятия в мифе замещаются конкретными символическими образами;

- миф является мироощущением, образной концепцией мирознания со свойственной ей целостностью восприятия, обеспечивающей целостность внутреннего мира человека; для субъекта миф не менее реален, чем любая общеизвестная научная истина;

- миф является способом проникновения в историческую реальность, но со стороны ее субъективной ипостаси; определенным способом систематизации, который не достиг понятийного уровня;

- функция мифологии как регулятора поведения людей непостоянна, однако нет оснований говорить о неизбежном снижении ее роли в обществе. Утрачивая одни функции, миф сохраняет другие, приобретая одновременно новые. Отметим свойственную мифу функцию социальной интеграции людей; миф не эксплицируется идеологией, а, возникая спонтанно, регулирует обыденное существование во все времена;

- в восприятии каждой последующей культуры предыдущей наблюдается идеализация определенных элементов прошлого, которое может продолжать существовать в настоящем;

- понимание мифов происходит через выделение двух смысловых слоев: интуитивно-эмоционального образа, содержащего догадку о сущностном моменте бытия и попытки рационально-логического объяснения мира на уровне так называемого «здорового смысла» [2, с 147-148].

Все названное здесь характерно и для мифа «классического», возникшего в глубокой древности, составлявшего некогда идеологически-религиозную основу общественного сознания, а затем смещенного на периферию, в сферу предрассудков и бытовых верований. И для мифа «современного», впитавшего в себя как осколки классических мифов, так и новейшие идеологические концепты.

Широкое распространение мифологических идей – псевдонаучных, политических, потребительских, национальных - в современной России обусловлено рядом исторических обстоятельств. Среди них:

- широкое использование мифологии для целей социального управления в советское время;

- транзитивный характер современного российского общества, заключающийся, в частности, и в поиске новых идеологических доминант (как известно, в транзитивный период рушатся базовые идеологические основы, элементы картины мира – а вместе с ними и доверие к рациональным основаниям построения общества и мировосприятия);

- сравнительная незавершенность модернизации традиционного общества (что означает неистребленность архаичных представлений рациональностью и прагматизмом современной цивилизации);

- традиция напряженных и широких общественных дискуссий о «русской идее», о миссии, которую выполняет Россия в прошлом, настоящем и будущем.

Та система ориентиров, которая определяет российскую ментальность, всегда слагалась и слагается как сумма очень разнородных идейных и социальных векторов и трудно поддается однозначному описанию. Однако, по мнению ряда исследователей, возможно вычленив ключевую мифологему. Ею выступает авторитарно-этатистская направленность любых уровней российской жизни.

В самом деле, подчинение личного общему или тому, что выдается за общее, вплоть до принудительного (но также сплошь и рядом — добровольного) растворения индивидуального в социальном целом, с заменой прав отдельно взятого человека абстрактными ценностями государства, выразительно запечатлены самыми разными жанрами отечественной культуры, от фольклора до официальных текстов и ритуалов. Тождество «державного мифа» с действительностью достигается созданием зримых образов его присутствия: переименованием мест проживания,

архитектурными сооружениями, всеми видами наглядной агитации и прочим множеством средств.

Подобная направленность есть закономерное отражение преобладавших на всем протяжении истории России общинно-коллективистских, с заметным оттенком патриархальности, отношений, унифицированных господствовавшей в духовной жизни моноидеологичностью и направленных в русло центристской государственности. В свою очередь, эти мировоззренческие и общественно-государственные особенности не менее определенно детерминированы объективными условиями существования этнических групп, из которых формировался субъект исторического процесса — население России. Климат, ландшафт, природные ресурсы, приемы хозяйственной деятельности, взаимоотношения внутри и вовне складывавшегося сообщества по поводу владения и использования обширного и богатого пространства — все это, несомненно, повлияло на мировосприятие, формы и способы социальной организации, черты национального характера.

Несомненно, отечественная мифология своим происхождением имеет уже упомянутый дискурс дискуссий, интеллектуальных баталий интеллектуальной части общества. Однако и представители интеллектуальной элиты испытывают на себе влияние духовного опыта отечественной истории. Он отражается как в теоретическом, так и в обыденном сознании. Не случайно, как считает Б.Дубин, «базовый отечественный миф сложился в определенных группах образованного слоя России как ответ на травму, сопровождающую однолинейную, милитаризованную и до сих пор не завершенную модернизацию «закрытого» общества, как «ответ» на модернизационный «вызов». Это миф об исключительности России, об уникальности ее исторического предназначения и культуры, о превосходстве российского («русского», «советского») человека» [1, с. 50].

Следует признать, что идеи особой исторической миссии России и ее

вселенского духовного приоритета по сей день находятся в кругу наиболее симпатичных для самых разных слоев населения. В широком ходу концепты «умонепостигаемости» России, «всемирности» русского человека, загадочность русской души и т.п. – зачастую вульгаризирующиеся публицистами и политиками.

В полной мере сказывается и свойство мифологического времени быть надысторическим - образ «славного прошлого», дореволюционного и советского, зачастую декларируется как надежный образец «светлого будущего» (о чем свидетельствует популярный политико-публицистический дискурс «возрождения» различных сторон российской духовной жизни – от православия до лидерства в космической гонке).

Отчасти это вызвано потребностью в использовании компенсационного потенциала социальной мифологии, отмеченной выше. У любого народа в периоды неустойчивости, граничащей с хаосом, обостряется потребность в наглядной, убедительной опоре, позволяющей сохранить «космос» бытия. Из этого следует совершенно естественная апелляция к достижениям героям, которые удержаны в исторической памяти как символы величия, безусловные вершины и предметы гордости. Надо признать, что неизбежное в описанной ситуации социальное мифотворчество не только вполне закономерно, но и в значительной степени функционально. Воспроизводя в своих нынешних построениях реальные и мнимые достоинства прошлого, общественное сознание тем самым восстанавливает заданный веками порядок и преодолевает дискомфорт социальной нестабильности. Но отсюда же происходит и неприязнь к взвешенному критическому осмыслению и демистификации прошлого.

Можно предположить, что пока черты традиционного общества будут определять наиболее весомые личные и общественные мотивации поведения, мифологичность представлений о будущем останется неизбежной и необходимой характеристикой массового российского сознания.

И, конечно, власть не могла не использовать подготовленную

мифологическую почву для целей установления контроля за социальным поведением. Произошло то, что этнографы называют «присвоение мифа» – когда миф одного народа или исторического периода или социальной общности становится актуальным, «своим», для других. В российской официальной идеологии в начале тысячелетия это произошло без радикальной смены символов, эмблематики и идеологических клише; центральные персонажи и атрибуты советской мифологии, утратив наследственный «семантический шлейф», легко встроились в новую (точнее, в не совсем забытую старую) идеологическую систему.

Можно попытаться обозначить следующие исторически обусловленные и актуализированные сегодня мифологические модели, бытующие в политической сфере нашего общества (их подробное описание и критический анализ – дело дальнейших исследований).

1. Советско-государственническая

В ее рамках современная Россия рассматривается как «ухудшенная копия» Советского Союза. А тот, в свою очередь, наследовал имперскому величию России. Ухудшение вызвано частной собственностью (в радикальном варианте), либо слабым контролем государства над деятельностью субъектов экономики (базовый вариант). Апофеозом «распада» были 90-е годы, «возрождение» началось с президентством В.В. Путина (начало 2000-х гг. - наше время)

2. Либерально-прозападническая

В ее рамках отрицается (полностью или частично) «особый путь», «мессианство» России. Наша страна должна входить в число «цивилизованных стран», развиваться в единой цивилизационной модели. Иначе говоря, традиционная культура России признается «отдельной» - в смысле, недостаточно развитой. Причем «советское наследие», от которого необходимо решительно отказаться, во многом ассоциируется с наследством традиционным российским.

Представляется, что этим моделям в той или иной степени подчинена и

потребительская мифология (связь которой с мифологией политической также является одной из российских особенностей).

В заключение стоит добавить, что происходящие сегодня в России кризисные явления – то есть, разрушение рациональных моделей развития, некоей предсказуемости завтрашнего дня – актуализируют использование мифологических моделей специалистами в области маркетинговых и политических коммуникаций.

Библиографический список

1. Дубин Б. Зеркало и рамка: национально-политические мифы в коллективном воображении современной России // Знание-Сила. - 1999. - №9-10. - С. 46-54.

2. Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект// Социологические исследования. - 1999. - №6. - С.145-148.

PR в изменяющемся мире: сборник статей/ под ред. М.В.Гундарина, Ю.В.Явинской, А.Г.Сидоровой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Вып. 7.